

Евгений Львович Марков

Очерки Крыма

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84-4

Евгений Львович Марков

Очерки Крыма / Евгений Львович Марков – М.: Книга по Требованию, 2011. – 296 с.

ISBN 978-5-4241-1869-2

За годы своей деятельности Е.Л.Марков изучил все уголки Крыма, его историческое прошлое. Книга, написанная увлеченным, знающим человеком и выдержавшая при жизни автора 4 издания, не утратила своей литературной и художественной ценности и в наши дни.

Для историков, этнографов, краеведов и всех, интересующихся прошлым Крыма.

ISBN 978-5-4241-1869-2

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Биография Е. Л. Маркова

Марков Евгений Львович [26.9 (8.10) 1835] — [17 (30).3.1903]

Евгений Львович Марков, потомок одного из трех дворянских родов Марковых, восходящих к началу XVII в., родился и вырос в родовом имении Патебник Щигровского уезда Курской губернии. По материнской линии он приходился внуком суворовскому генералу Гану, являлся близким родственником писательниц Е.А. Ган, Е.П. Блаватской, В.П. Желиховской и публициста Р.А. Фадеева. Учился в Курской гимназии и Харьковском университете, где закончил курс кандидатом естественных наук. После двухлетнего заграничного путешествия, во время которого он слушал лекции в знаменитых европейских университетах, в 1859 г. Марков поступил учителем в Тулу, где в те годы вокруг директора гимназии Гаярина группировался кружок молодых педагогов, "одушевленных стремлением" поставить педагогическое дело на новых началах. Одним из результатов деятельности Маркова в кружке явилась статья о яснополянской школе Льва Толстого (1862). Евгений Марков быстро продвигался по службе и скоро стал инспектором гимназии. Благодаря упомянутой статье на него обратили внимание в Министерстве народного просвещения — ему было предложено место в ученом комитете, а в 1865 г. состоялось его назначение директором Симферопольской гимназии и народных училищ в Крыму. В начале 1866 г., как можно вывести из предисловия к книге, он приезжает в Крым. Эта сторона деятельности Евгения Маркова подробно раскрыта в сообщении его коллеги — А.И. Маркевича, сделанном вскоре после смерти Маркова на заседании Таврической Ученой Архивной Комиссии 23 мая 1903 г. Предоставим ему слово: "В самый знаменательный момент русской жизни в прошлом веке, в эпоху наших великих реформ, назначен был в 1865 году Евгений Львович Марков директором Симферопольской гимназии и училищ Таврической губернии. Это назначение его совпало с введением нового устава гимназий 1864 г., когда Симферопольская гимназия была преобразована в классическую с одним древним языком, но удержала прежнее право считать обязательным оба новые языка. С необыкновенной энергией взялся Е.Л. Марков за дело и трудами своими на пользу образования приобрел скоро известность во всей Тавриде. При нем вновь выработано было положение о гимназическом пансионе, который и раньше существовал при Симферопольской гимназии, но был закрыт в 1863 году за недостатком средств на его содержание. Марков нашел эти средства. Вместе с тем он подал мысль о настоятельной потребности для Симферопольской гимназии в приготовительном классе, который и был открыт в 1868 г. Благодаря энергичному ходатайству Маркова, Таврическое земство ассигновало средства на содержание младшего отделения приготовительного класса и пособие преподавателям русского языка, а также ассигновало крупную сумму на устройство для народных учителей педагогических курсов при приготовительном классе гимназии, которые происходили под его руководством. При Маркове было капитально перестроено здание гимназии, и в 1867 году в нем устроена была церковь. Марков обращал серьезное внимание на улучшение библиотеки гимназии, на кабинеты и классную мебель. Высокообразованный человек, просвещенный педагог, Е.Л. Марков был превосходным руководителем учащихся и строгим, но справедливым и гуманным

директором для учащихся, на которых он имел самое благотворное влияние. Во всех сослуживцах и подчиненных Марков умел вселить к себе чувство глубокого уважения, энергию и любовь к делу и оставил по себе самые приятные воспоминания, которые сохранились до сих пор. Много также потрудился Евгений Львович над улучшением уездных училищ в губернии, заводил при них ремесленные отделения и всегда настойчиво доказывал необходимость профессионального образования. Заботами и настояниями Маркова число училищ в губернии постоянно увеличивалось. И действительно, какое учреждение в состоянии было отказать его ходатайству, всегда подкрепленному вескими и основательными данными? При Маркове открыто было в Симферополе и женское училище 1-го разряда, преобразованное потом в гимназию. В этом заведении Евгений Львович вместе с учителями мужской гимназии бесплатно вел преподавание. Марков возбудил весьма важный, государственного значения вопрос об обрусении татар путем просвещения. Татарские учительские школы и русско-татарские училища как в Таврической, так и в других губерниях обязаны своим существованием инициативе покойного. Деятельное участие принимал Марков и в устройстве публичных лекций в Симферополе, и сам прочел лекцию "О зрении".

<...>

Навсегда связывают имя Е.Л. Маркова с Тавридой его превосходные "Очерки Крыма", в которых с такой любовью и в такой художественной форме изображена природа Крыма, его жизнь, история и памятники древности. С Крымом связано и содержание его романа "Берег моря".

Оставивши Крым, Е.Л. Марков не разрывал связей с ним, и в 1880 году с искренностью приветствовал первые шаги газеты «Таврида», редактором которой был его сослуживец по симферопольской гимназии И.И. Казас".

Добавим к этому, что авторитет Евгения Маркова в Крыму был настолько велик, что память его, среди прочих значительнейших в истории провинциального губернского города лиц, была увековечена в названии одной из улиц Симферополя (теперь эта улица носит имя Я. Крейзера). Среди симферопольских педагогов он встретил и свою будущую жену — Анну Ивановну Познанскую, бывшую в то время начальницей Симферопольской женской гимназии. Педагогическая деятельность Маркова заметно повлияла на его творчество — на страницах "Очерков Крыма" мы не раз встречаем размышления автора о проблемах народного образования. В 1870 г. Евгений Марков оставляет службу и покидает Крым. Проведя год в заграничных путешествиях, он поселяется в деревне, занимается земской деятельностью (вот откуда осведомленность и компетентность суждений по этому вопросу, столь ясно видные в позднейшем дополнении книги — "Письма с Южного берега", написанном по впечатлениям поездки 9 лет спустя).

Литературную деятельность Евгений Марков начал еще во время своего заграничного путешествия в 1858 г. рассказом "Ушан. Отрывок из воспоминаний детства", опубликованным в журнале "Русский вестник". В шестидесятых годах были опубликованы также другие его педагогические и критические статьи. Статьи его о творчестве русских писателей позже охотно включались составителями в различные сборники. Он единственный в то время (1865) обратил внимание и оценил по достоинству повесть Л. Толстого «Казак» в статье "Народные типы в нашей литературе".

По достоинству оценены читателями и путевые очерки, написанные Евгением Марковым под впечатлением от поездок по России, Средней Азии, Кавказу, Италии, Турции, Греции, Архипелагу, Египту, Палестине.

Расцвет его литературной деятельности относится к семидесятым годам. К этому времени относится большинство его беллетристических произведений, почти не знакомых современному читателю. К сожалению, круг доступных источников биографических сведений о Е.Л. Маркове не так уж велик. Ни в курском, ни в воронежском архивах нет личного фонда писателя. А ведь там могли быть очень интересные для нас документы. Достаточно назвать упомянутые автором путевые альбомы, в которых он делал зарисовки во время путешествий по Крыму. Конечно, целенаправленный поиск в названных архивах, безусловно, позволит внести какие-то конкретные уточнения в биографию писателя. Однако современному археографу и краеведу утрата личного архива тем более досадна, что Евгений Марков был избран 1 декабря 1900 г. первым председателем Воронежской ученой архивной комиссии.

Скончался Евгений Львович Марков от рака печени в Воронеже, в 1 час дня 17 марта 1903 г. 68 лет от роду. Похоронен в родовом имении.

Евгений Марков. Очерки Крыма

Картины крымской жизни, природы и истории

Вступительные статьи

"Очерки Крыма" в век информационных технологий

Предисловие к изданию 1995 года.

"Очерки Крыма", впервые пленившие читателей более 120 лет тому назад, печатались последний раз в 1911 году. И лишь теперь эта замечательная книга приходит к читателю в современном иллюстрированном издании.

"Очерки Крыма давно исчезли из обращения", — сетовал автор еще в 1882 году. Между тем, нет, пожалуй, человека, интересующегося историческим прошлым Крыма, который не слышал бы об этой книге, или не читал хотя бы отрывков или цитат из нее. Немногие краеведческие книги выдержали проверку временем, одна из них — "Очерки Крыма". Это единственное, как отмечал еще автор, популярное описание Крыма, и до сих пор остается в своем роде единственным.

Начиная с первого издания, "Очерки Крыма" выходили в издательстве крупнейшего книготорговца и издателя Маврикия Осиповича Вольфа. Опытный книготорговец Вольф очень чутко улавливал интересы читающей публики и старался издавать всё, что могло принести коммерческий успех. Одновременно он стремился к тому, чтобы его издания выгодно отличались от продукции конкурентов качеством исполнения. Уловив интерес читателей конца шестидесятых годов к естественным наукам, географии, Вольф издает труды Дарвина, Фарадея и других известных ученых.

Чувствуя коммерческую выгоду в публикации описаний различных местностей России, Вольф охотно принял к изданию путевые очерки Е.Л. Маркова. В результате — как Немирович-Данченко открыл русскому читателю Север России, как Мамин-Сибиряк открыл для него Урал, так Марков открыл русскому читателю Крым и Кавказ. Современный читатель практически не знает Маркова-беллетриста, мало кто слышал о книге "Очерки Кавказа", Евгений Марков известен нам, прежде всего, как автор "Очерков Крыма".

Иллюстрированное, третье издание, вышедшее в 1902 году, включало более 200 фотографий и репродукций с картин и гравюр. К этому времени М.О. Вольф уже имел опыт выпуска «роскошных», подарочных изданий — большого формата, богато иллюстрированных. Среди наиболее известных читателю-краеведу можно назвать выпущенное под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского 20-томное издание "Живописная Россия". Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении".

В 1878 году М.О. Вольф приобретает словолитню Е. Ревильона, это позволило ему разрабатывать шрифты собственного рисунка для своих роскошных изданий. Издание 1902 года как раз и набрано шрифтом особенного начертания, не похожим на все прочие, с непривычным ритмом, который задают высокие, на высоту прописной буквы литеры *к*, *ж*, *і*, и необычный, скачущий набор цифр в датах; даже точка в заголовке — не точка, а какая-то четырехлучевая звездочка. Неизвестный нам художник-гравер, подписавший свои заставки и концовки

инициалом W, сумел во многих случаях подчеркнуть выразительность имевшихся в его распоряжении иллюстраций. Он то приглашает нас полюбоваться узором наличника входа в гарем ханского дворца, использованным для украшения шумцтитула, то затейливой рамкой обрамляет видовой снимок, который от этого сильно выигрывает. Все это вместе и создает неповторимую магическую притягательность "Очерков Крыма".

Однако в то время отечественная издательская культура, типографское искусство, находились ещё в стадии экспериментов; по-настоящему безупречно красивые, роскошные книги делать еще не умели. Современный издатель и художник книги, рассматривая издание Вольфа, найдет немало недостатков. Автор, например, не только принципиально отказался вносить в текст какие-либо дополнения и новые сведения, как это подчеркнуто в предисловии. Он даже не затруднился перекомпоновать когда-то написанные очерки. Как писались они, как публиковались отдельными подборками, так и были собраны под одной обложкой. Книга получилась как бы состоявшей из трех самостоятельных разделов. Один — собственно "Очерки Крыма" с описанием наиболее привлекательных уголков Крыма. Своего рода отдельную книгу представляет собой описание "пещерных городов" Крыма. Здесь новая нумерация глав, и сам текст как бы отделен листом с предисловием. И совсем особняком стоит глава "С Южного берега (путевые письма)".

Настоящее издание знаменитой и даже в какой-то мере легендарной книги печатается по третьему, иллюстрированному изданию, вышедшему в 1902 году. При публикации издатели сохранили авторский подход к тексту — он совершенно идентичен, изменения коснулись только орфографии и пунктуации, которые приведены к современной норме печати, и исправлены очевидные опечатки. Правда, при этом пришлось сохранить некоторые опечатки, переходившие из издания в издание. Внимательный читатель без сомнения наткнется на несколько невразумительных фраз, смысл которых мог бы прояснить только сам автор.

Для того чтобы максимально сохранить целостность восприятия книги, решено было повторить иллюстративный ряд. К тому же иллюстрации издания 1902 года представляют немалую документальную ценность, поскольку на фотографиях зафиксированы наиболее живописные виды Крыма по состоянию на начало XX века. К сожалению, качество оригинала таково, что репродуцировать все иллюстрации не удалось. Решено было также изменить расположение иллюстраций в тексте, приблизив их к соответствующим описаниям.

Пусть же современный читатель приобщится к волшебному очарованию давно ушедшей красоты Крыма, красоты, которая вроде совсем еще недавно, и в то же время так давно, согревала души и сердца посетивших его людей.

П. Коньков

Несколько слов для вступления к первому изданию

Я первый раз познакомился с Крымом в начале 1866 г. С тех пор я прожил в нем безвыездно несколько лет; я посетил не раз все его уголки, осмотрел все его памятники, прочел все, что мог достать о древней истории Крыма.

Когда на опыте изведешь характерные черты края и в течение долгого времени сталкиваешься с разнообразными живыми элементами его, край делается

родным, не только знакомым. Свои впечатления от встречи с новым миром, открывшимся для меня в Крыму, я выражал рядом отрывочных очерков, не имевших определенного плана. Теперь, когда этих очерков набралось довольно много, я увидел, что, несмотря на отсутствие в них всякой систематичности, они представляют достаточно полную картину Крыма.

Крымские степи, крымские горы, крымское море, легенды и развалины древности, легенды и развалины роковой истории нового времени, Бахчисарай и Севастополь, Южный берег и пещерные города — все типичное Крыма нашло свое место на страницах этих очерков. Правда, я не стеснял себя последовательностью и внешнею полнотою описания... Я говорил только о том, о чем мне хотелось, и так, как мне хотелось. Я не собирался составлять ни географического словаря, ни исторического трактата, ни путеводителя по Крыму. Я работал, как работает художник-живописец, набрасывая в свой путевой альбом все, что поражает его: то интересную сцену местного быта, то пейзаж, то портрет прохожего, то тщательную копию какого-нибудь памятника древности.

Оттого некоторые очерки мои имеют характер дневника, некоторые — характер исследования. Я держусь того мнения, что передача свободною кистью наиболее выразительных, типических черт предмета более знакомит нас с его сущностью, чем обстоятельное, но бесцветное и холодное описание его. Поэтому я надеялся, что и для читателя моего дорогой для меня облик Крыма обрисуетсЯ живее и рельефнее, если я передам во всем их первоначальном тепле искренние впечатления своего первого знакомства с Крымом.

Я бы мог, конечно, во многом обработать, дополнить и пересоздать их. Но я не сдал этого намеренно.

Как бы много слабостей и ошибок ни заключалось в искреннем излиянии первого чувства, все-таки слова первой любви имеют недостижимую силу правды и красоты своего рода, какими бы неумелыми устами ни произносились они. Исправлением своих очерков я именно боялся спугнуть этот неподдельный аромат своей первой любви к Крыму. Передавая их на суд публики, я прошу только, чтобы от них не требовали того, чего они не обещают, чтобы читатель видел в моей книге только ряд свободных этюдов, без всякой заданной цели.

Может быть, очерки мои воскресят в памяти некоторых сколько-нибудь живо и верно картины крымской жизни и природы; может быть, человеку, не знающему Крыма, они нарисуют сколько-нибудь выразительно те особенности этой природы и жизни, которых мы, русские не найдем нигде больше в своем отечестве, и соблазнят его узнать живой Крым, насладиться его оригинальностью, его красотой. Если читатель вынесет из этого знакомства с Крымом то же очарование, какое вынес я; если ему потом, в нашей прозаической северной родине, сквозь однообразные равнины сплошных снегов или сплошного хлеба, будет мерцать вдали, как утешительная звезда, сладостное воспоминание о крымской неге, крымских красках, крымском солнце, то труд мой я не буду считать напрасным. В наши дни, может быть, рискованно выставлять на своей книге такой анахронический девиз, как *Pflichtloser Genuss*. Но я в этом вопросе имею свое мнение.

Достойны жалости люди, которые делают девизом всей своей жизни это "наслаждение, свободное от обязанностей"; но, по-моему, жалости достойны и те, которые по какому-то узко-монашескому складу духа считают наслаждение несовместимым с обязанностью, противоречащим обязанности. Чем больше

горя в жизни людей, чем больше несовершенств в устройстве нашего общества, тем насущнее необходимость утешения и развлечения. Впечатления, которые могут, хотя на несколько часов, разгладить морщины забот и потрясти унылый сон апатии, не должны признаваться элементом враждебным для насущных потребностей общества. Они делают такое же полезное общественное дело, как и всякое прямое воздействие на познания и убеждения человека.

Я посвящаю эту книгу своим крымским друзьям. В их обществе, с их помощью, я сроднился с Крымом.

Лучшие дни моей жизни протекли в этом чудном крае, воспоминание о котором связывается неразрывными нитями с памятью дорогих для меня людей...

с. Александровка, Курск. губ.

12 мая 1872 г.

Евгений Марков

Предисловие ко второму изданию

Очерки Крыма давно исчезли из обращения. Между тем это единственное у нас популярное описание Крыма и до сих пор остается единственным.

В Европе Крым с его поразительной оригинальностью и красотой, с его целебным воздухом, целебными водами, с целебным соком его душистого винограда, — создал бы целую литературу роскошных и дешевых изданий, художественных, ученых и всяких других.

У нас приходится быть довольным, когда единственная книга о Крыме, встреченная очевидным сочувствием публики, доживает кое-как до 2-го издания.

В обществе, бедном образованием и знаниями, вопросы поэзии, искусства, археологии или этнографии не могут еще составлять общераспространенного элемента жизни.

В наши дни политического ожесточения и материальных вкусов, быть может, всего менее может рассчитывать на успех книга, подобная "Очеркам Крыма", не имеющая ничего общего с бичами столь излюбленной теперь у нас социальной сатиры, с тревожными помыслами о борьбе рабочего с хозяином, о рубле и хлебе, — полная одного тихого наслаждения природою и спокойного изучения давно минувшей жизни.

Но если книга эта не должна рассчитывать на толпу, поглощенную будничными злобами дня, то, по опыту прошлого, она надеется встретить друзей среди умов и сердец, которым всегда и во всех обстоятельствах дорого искусство и знание, которые не упраздняют вечных общечеловеческих интересов из-за страстных забот настоящей минуты, как бы ни были они почтенны и законны сами по себе.

Второе издание "Очерков Крыма" является почти ничем не улучшенным. В этом издании помещены путевые письма "С Южного берега", не помещенные в первом издании.

Авторы очень часто думают привлечь внимание читателя постоянным изменением первоначального текста своей книги, так называемыми исправлениями и дополнениями.

Но мы держимся другого взгляда. Если дополнения необходимо требуются в ученом исследовании, претендующем передать читателю последние плоды научных открытий по известному вопросу, то создания искусства, поэтические

впечатления, вынесенные из живого знакомства автора-художника со страной и людьми, только теряют в своей свежести, правде и красоте, дополняясь и перерабатываясь впоследствии, на основании каких-нибудь вновь вышедших книг или вновь обнаруженных открытий...

"Очерки Крыма" — не путеводитель по Крыму, и потому не нуждаются в сообщениях о новых постройках, новых дорогах, новых гостиницах...

Крымское небо, крымское море, крымские горы и степи, точно также как человек Крыма, как старая история Крыма, остаются неизменно все теми же, какими они были при первом столкновении с ними автора...

Мы придаем значение тому, что «Очерки» наши выходят в свет именно в 1883 г., когда исполнилось сто лет со дня присоединения Крыма к России.

В этих обстоятельствах русская книга о Крыме, проникнутая горячею любовью к Крыму, является вполне уместным и естественным выражением тех братских отношений к Крыму русского общества, которые неизбежно должны лечь в основу всякого государственного союза нашего времени, каков бы ни был его первоначальный источник.

В то же время воспоминание об этом важном событии русской государственной истории должно бы, нам казалось, побудить и русского читателя ознакомиться как можно ближе с прошлым и настоящим очаровательного края, который вошел, сто лет тому назад, в состав русского царства, как его лучшая жемчужина, по счастливому выражению великой Императрицы.

с. Александровка

21 июля 1882 г.

Евгений Марков

По поводу нового издания "Очерков Крыма"

Очерки Крыма, написанные 30 лет тому назад, пережили уже и в отдельном издании свое двадцатипятилетие, справили серебряную свадьбу своего рода с читающею публикою. И только теперь, более чем через четверть столетия, дожили они до счастливого для них события — своего иллюстрированного издания.

В отношении содержания "Очерки Крыма" выходят и на этот раз без всяких изменений. Книга эта не "Путеводитель по Крыму" и никогда не претендовала на этот титул. Из нее читатель не узнает, сколько нужно заплатить за номер гостиницы, и через какие станции можно проехать в тот или другой город. Книга моя если и может считаться портретом Крыма, то только портретом его вечных, неизменяемых черт, внутренней души его, — а уже никак не тех одежд и не той прически, какие он может носить в тот или другой мимоходящий день. Поэтому никакие "Последние новости" о Крыме не внесли бы ничего существенного в художественное изображение его с живой натуры, живым сердцем писателя. Правда, Крым был моложе, наивнее, диче, когда я его знал и писал с него, 30 лет тому назад; и я сам был тогда моложе, наивнее, с более страстною и непосредственною впечатлительностью. Но в этом-то, быть может, и состоит достоинство моей книги, что она отразила на себе и некоторую девственность страны, которую описывает, и молодость поэтического духа своего автора.

Прожитое не повторяется и хорошо именно своею собственною правдою; исправлять же и дополнять ее значит вводить в нее холодную искусственность и

ложь.

Пусть же старая книга моей юности выступает и в новом издании во всем старом виде своем, со всеми былыми недостатками и слабостями, но и со всею своею молодою поэзией и искренностью.

Пусть читатель полюбит ее такую, какою она родилась и вступила первый раз в свою литературную жизнь...

с. Александровка

Евгений Марков

I. На пути в Крым

Домашняя поездка. — Хохлы и страна хохлов. — Степь.

Опять дорога, дорога!.. Это не 1,500 верст по железным дорогам Европы, не переезд Атлантики на ливерпульском пароходе, не то, одним словом, что называется нами *путешествие*; нет, это простая *поездка* по русским дорогам, через русские губернии, из одного русского города в другой русский город; это наше домашнее, ежедневное дело. Да, хорошо говорить: через русские губернии, по русским дорогам... Но ехать, на деле, читатель, *ощущать* эти дороги и эти губернии! Церковь недаром возносит ежедневно молитвы о плавающих, путешествующих, недугующих и страждущих. Я уверен, что под всеми этими эпитетами она разумеет просто одних нас, проезжающих по русским дорогам, которым приходится столько же плавать и страдать, сколько путешествовать. Вы едете из-под Москвы зимою по шоссе, на котором ежеминутно останавливается ваш грузный экипаж, въезжая подрезами на голый камень. Около Курска вам угрожают совершенной остановкой, и требуют, чтобы вы постановились на колеса (колеса, разумеется, должны быть с вами). Вы молитесь богам, как бы вам дотянуться санями хоть до Харькова; и вдруг за Курском застреваете в таких снежных сугробах, откуда вас не в силах вытащить девять лошадей.

Вы едете почти целиною по 25-ти верст в день! У Харькова вместо снежных сугробов песок; за Екатеринославом опять невылазные снега; у Перекопа разлив воды и еще более невылазная грязь; подъезжаете к Симферополю — пыль, жара печет, по полю фиалки. Вот вам поездка по России!.. То на волах, то на руках ямщиков и обозных, то колесами, то санями, откапываясь от снега, утопая в зазорах, сбивая подреза на камнях, ломая одно дышло за другим на косогорах — тащитесь вы, бедные грешники, осужденные вместо путешествия, на *домашнюю поездку*. Только на собаках не приходилось ехать, хотя о них приходилось по временам вспоминать с глубоким сожалением. За верблюдами посылал, каюсь, хотя, к несчастью, не мог найти. На волах шествовала не раз, уподобляясь маститым Мерovingам. Зато не было недостатка в разнообразии впечатлений: сидишь иногда, под глубоко убегающим сводом ночного неба и любуешься безмолвно течением светил, между тем как выпряженные кони, смиренно поникнув головами, нюхают мерзлый снег. Ямщиленок спит, сидя на грядке, а ямщик услан вами в деревню верст за десять, за людьми или за волами; нескоро дождетесь его возврата теперь, в час ночи... Какие библейские мысли приходят вам тогда в голову, в этот не совсем приятный и не совсем короткий промежуток времени...

А то — прекрасный солнечный день, голубое небо, белые облака, красивые долины; вы стоите у экипажа перед крыльцом станции в каком-нибудь днепровском местечке, следовательно, в империи жидов; с вами разговаривает полный